

WARHAMMER
40,000

DAN ABNETT

PLUS:

AARON DEMBSKI-BOWDEN

GRAHAM McNEILL

SANDY MITCHELL

AND OTHERS

SABBAT WORLDS



FEATURING GAUNT'S GHOSTS

Резициг

Аарон Дембски-Богден

5

ДЕРЖА В РУКАХ нож, она говорила, даже не пытаясь скрыть свою ложь.

- Расскажи мне, что произошло, и я подарю тебе жизнь.

У него остался лишь голос. Она оставила ему только язык.

- Ты знаешь, что произошло, - сказал он.

Он увидел отражение своего изуродованного лица на лезвии ножа.

Выдавленная им улыбка

казалась месивом из разбитых губ и окровавленных десен.

Ее лицо скрывала карнавальная маска, сквозь которую виднелись лишь нечеловеческие глаза.

- Не сопротивляйся, - произнесла она, будто

ожидая от него повиновения.

Не сопротивляйся. Действительно, забавное предложение.

Его голени и запястья были связаны прочным кабелем. Похоже, его достали из танка Имперской

Гвардии. Скорее всего, его танка, осознал он. В таком случае освободится он не скоро. Даже будь

у него нож, ему бы вовек не перерезать кабель.

Он уронил голову в болото и пыль. У него все плыло перед глазами из-за боли, но ему удалось

взглянуть на истерзанный лик неба. Серые и погертнутые дыткой небеса предвещали бурю, сквозь

разрывы между облаками виднелась луна.

Он лежал на гряде щебня, зная, что некогда эти руины были полем боя, а до того — базарной

площадью. Определенно что-то вроде ловушки для паломников, где реликвии и иконы

сомнительного происхождения переходили
из потных ручонек торговцев к
страждущим странникам

- индустрия отчаяния извечно зиждилась
вокруг надежды, которая питалась
обманом и ледяками.

Он спорзнул пот и задался вопросом, куда
подевалось его оружие.

- Расскажи мне, - она подходила все ближе,
ее клинок зловеще блестел в лунном свете,
- что

случилось в шестом часу десятого дня.

Эти слова уже звучали подобно
героической легенде. Шестой час десятого
дня. Она прошептала

их подобно какой-то священной древней
game, хотя это случилось всего лишь
вчера.

- Ты знаешь, что произошло, - повторил он.

- Расскажи мне, - все с той же
лихорадочной горячностью продолжала
она, выдавая себя с
головой.

Усилением воли он растаялся, и стех этот,

несмотря на адскую боль, несказанно обрадовал его. С

его кровоточащих губ срывался странный хриплый звук. Скорее всего, он был таким из-за

пробитых легких и сломанных ребер. И все же это был стех.

Она использовала свой нож так же, как и весь предыдущий час -- вырезая письмена боли на его

обнаженной груди.

- Расскажи мне, - прошептала она, - что произошло.

Запах его крови перебивал вонь обожженного камня. Он видел, как его тело окрашивали тонкие

алые струйки из рваных ран.

- Ты знаешь, что произошло, ведьма. Вы проиграли войну.

Открыв глаза в следующий раз, он понял, что находится уже в другом месте.

Его шея заныла, когда он повертел головой туда-сюда. Арочные переходы, полусеивают разбитые

горгульи, пятна золы свидетельствуют о кострах, на которых сжигали священные книги...

Он был в Темплум Имперialis.

По крайней мере, в одном из них.

Приглушенный грохот выдал присутствие далекой артиллерии. Кем бы ни была эта ведьма, она

не утащила его далеко от линии фронта.

Он сглотнул, но слюна с привкусом крови была слишком густой. Он сжал кулаки и дернул узлы,

которыми его привязали к стулу. Не поддаются. Они были слишком тугими, а сам стул крепился к

полу. Ему не освободиться.

- Прекрати сопротивляться, - раздался ее голос позади. Шаги эхом отдавались в небольшой

комнате, когда она встала перед ним. -- Это недостойно.

Она говорила с неприятным, запинаящимся акцентом. Ведьма была не просто с другого мира --

она вряд ли когда-либо говорила на Готике.

- Кто ты? -- спросил он, подчеркнув вопрос плевром на плитчатый пол.

Она погладила пальцем скрывавшую ее лицо маску.

- Я -- Кровавый Накт.

Эти слова ничего ему не говорили. Но, к несчастью, дальнейшие ее действия сказали ему очень

много. Хохотнув, она потянулась к висевшему на поясе оружию.

- Твоя сабля, да?

Инстинктивно он вновь дернул путы. Он старался не смотреть на клинок в ее руках -- то, как она

прикасалась к нему своими семью пальцами, заставляло его сердце биться чаще. Лучше, если бы

она держала нож.

- Так-то лучше, - улыбнулась она. - Пора рассказать немого правды.

- Тебе не понравится то, что я скажу, - процедил он сквозь стиснутые зубы. - Брось саблю.

Свободной рукой она провела по контурам его челюсти - легкий жест, который щекотал кожу, не

раздражая ее. Под ногтями у нее выдвинулись кровавые полумесяцы, но они были давними, от предыдущих пыток.

- Ты жаждешь ее, - прошептала она, - и хочешь увидеть цвет твоей крови, когда я буду лежать

мертвой на этом полу.

Он промолчал. Свободной рукой она сняла черную маску, скрывавшую половину ее лица.

Карнавальная маска была выкована из

темного железа в извращенном подобии
человеческого

лица, с кривым ведьмовским носом и
выпирающим подбородком. Скрывавшееся
под ней лицо

было одновременно красивее и
отвратительнее.

Его тюремщик глубоко вдохнула ароматы
недавнего сражения и сожженных книг.

- Ты -- один из Аргентума, - она медленно
облизала губы, будто пробуя слово на вкус. --

Даже

улыбка казалась порочной. Ее лицо
покрывала сеть аккуратных шрамов,
нанесенных рукою

безутца.

Он вновь растаял, хотя от жажды звук
казался рваным и грубым.

- Что смешного? -- спросила она, голос ее
походил скорее на шипение, нежели на
обычную

человеческую речь. -- Думаешь, мы не
видим разницы между имперскими
полкатами?

- Что же меня выдало? - он кивнул на серебряный наплечник, на котором был детально

выгравирован символ Магистра Войны - увенчанный лавровым венцом череп, и постучал

серебряными наручами по спинке стула. На каждом из них красовался тот же символ, в

подражание доспехам самого Магистра Войны.

Будь у него возможность, он бы тут же пристрелил ее из своего хеллгана, который - если, конечно, тот все еще был цел - с обеих сторон приклада украшали серебряные аквилы.

- А если я одет так, потому что на улице прохладно, - сказал он. - А серебро греет меня?

Она улыбнулась, словно прощая напроказничавшего ребенка.

- Ты -- один из Аргентума, - ему не понравилось то, как она произнесла это слово, словно

изголодавшись по нему. -- Из Серебряной Родни.

Она сглотнула, и у нее в горле щелкнуло что-то влажное.

- Избранные Магистра Войны. Ты, должно быть, гордишься этим.

Он не удостоил ее слова ответом.

- Ты расскажешь мне то, что я хочу знать, - настаивала она с явной упрямостью.

- Никогда в жизни.

Храбрые слова, но из-за загустевшей от крови слюны они дались ему с трудом. Трон, как же ему

хотелось, чтобы она бросила саблю. Больше от того, что она держит ее в руках, касалась не личной

гордости -- и даже не чести полка.

- Мы знаем традиции Серебряной Родни, - сказала она, но ее голос заглушил шипящий шепот

прошедшихся по священной стали уродливых пальцев. -- Потерять свое оружие означает предать

Магистра Войны, да? За это предусмотрено суровое наказание.

Она не дождалась ответа, вынув вместо этого саблю из ножен. Клинок с пением вырвался из

заточения. Он поторщился и тут же возненавидел себя за это.

- Это тебе причиняет боль, - это был не вопрос, ибо ответ и так был слишком очевиден. -- Тебе

больно видеть свой клинок в руках врага, да?

И вновь из-за истощения и кровоточащего рта он едва выдал из себя ответ.

- Ты не знаешь, о чем говоришь.

Пока он говорил, ведьма повертела саблю в руках, выискивая что-то. Вот вырезанный на рукояти

имперский орел из белого золота. Она улыбнулась пленнику, а затем плюнула на священный

символ Бога-Императора. Ее слюна потекла и закапала с оружия на грязный пол.

Он закрыл глаза, представляя, как хватает ее за темные волосы, сжимает череп, а его пальцы

проникают ей в глаза-щелки. О, ее вопли уладили бы его слух.

- Взгляни на меня, - приказала она. -- Вот. Так лучше.

Она придвинулась ближе. Ему хватило бы одного удара. Одного удара.

- Я убью тебя, - пообещал он сквозь пробивающиеся слезы. -- Во имя моего Магистра, я убью тебя, ведьма.

- Твой Магистр, - она бесцеремонно отбросила саблю. Та покатила по полу с громким

металлическим звоном. -- Твой Магистр теперь просто воронье дерьмо. Он мертв, как и твой

Император -- пища для стервятников. А теперь расскажи мне, что произошло.

Вот опять.

- Ты знаешь, что произошло, - сказал он. -- Все знают.

- Расскажи мне о том, что видел ты, - она

подождала еще ближе, и в ее руке вновь
показался нож. Он

даже не заметил, как она достала его. --
Ты -- один из Аргентина. Ты был там,
поэтому расскажи, что видел.

Один удар. Всего один. Она находилась
достаточно близко.

Острое ножа коснулось его челюсти и
прошло вдоль нее, но слишком слабо, чтобы
порезать

покрытую грязью кожу. Клинок добрался
до его губ, и она вновь улыбнулась.

- Расскажи мне, что произошло, или
смерть твоя будет медленной и
мучительной.

- Тебе не хочется знать, что произошло.
Ты просто хочешь узнать, как он погиб.

Она угрожала. Сомнений больше не
осталось. На краткий миг она утратила
над собою контроль,

и нож уколол его щеку. Она споргнула, и
из глаз-щелок одновременно закапали
слезы. Чтобы

вновь заговорить, ей пришлось облизать

убы своим черным языком.

- Как он погиб?

В мгновение слабости он осознал, насколько она была прекрасна. Бледная, ядовитая и порочная.

Но прекрасная. Труп богини.

Его дыхание оставляло след на отполированном лезвии ножа.

- Он умер первым. И мы убивали всех, кто пытался унести его тело, - лгать не было нужды, когда

даже правда причиняла ей страдания. -- Я видел, как умер твой король, и мы расстреливали

всякого хныкающего ублюдка, который хотел забрать его труп.

- Он не был моим королем. Мой повелитель -- Гаур, ибо я - Кровавый Накт. И, тем не менее,

Надзибар был лучшим из нас.

- А теперь, - ухмыльнулся плененный гвардеец, - он -- воронье дерьмо.

Нож упал в обессиленной руке. Она даже не пыталась скрыть слез.

- Расскажи мне, что произошло, - вновь сказала она. -- Расскажи мне, как умер Архонт.

Их взгляды пересеклись. Его глаза были человеческими, с радужками темно-орехового цвета. Ее

же гавным-гавно перестали быть людскими: они мутировали в щелки и, как у змеи, были

разделены черными вертикальными зрачками, столь же отталкивающими, сколь и

привлекательными.

Всего один удар по ним. Один шанс.

Связанными вместе ногами он мог ударить ей в горло и перебить трахею с гортанью. В худшем

случае он оглушит и лишит ее голоса, так что она не сможет позвать на помощь. В лучшем, утратит

от удущья из-за нанесенной травмы.

Один удар. Один шанс.

Он видел, слышал, чувствовал ее. Возможно, он промахнется. Возможно,

попадет ей в

подбородок, и с резким хрустом сломает
ей челюсть. Ее прекрасное личико
отшатнется на

свернутой шее, и вместо того, чтобы
убежать, она упадет подобно кукле с
обрезанными нитями.

Один шанс.

Она ослабила бдительность, но...
недостаточно. Риск слишком велик. Будь
терпеливым.

Его звание -- старший сержант. Полк --
 Аргентум, также известный как
 Серебряная Родня,

Избранные Магистра Войны, и -- в списках
 Муниторума -- 2-ой полк Кхуланских
 Хускарлов, которых

приставили в качестве телохранителей
 самому Слайдо.

Он носил такие же серебряные наплечники
 и орнаментированные как у самого
 Магистра Войны

наручи, хотя его форма была слабым
 отражением величественных одеяний
 Слайдо. В футляре на

поясе он хранил пергаментную копию
 Хартии Крестового похода 755 года,
 выданную самими

Верховными лордами Терры, согласно
 которой имперским войскам было даровано
 разрешение

огласить крестовый поход по возвращению

Миров Саббаты.

В разгрузке у него находилась книжица в кожаном переплете -- «Трактат о природе войны» -

пособие, рекомендуемое для прочтения всеми кандидатами в офицеры, а также фундаментальный труд, который написал сам лорд-милитант Слайдо за несколько десятилетий до

того, как стать Магистром Войны.

Слайдо всегда обращался к нему по имени. Фамильярность уже давно стерла границы между

командиром и служившими ему солдатами.

- Колмог, - всегда говорил ему Магистр Войны своим грубоватым тоном. -- Все еще крадешься за

мной, гитя? Все никак не отстанешь от старого боевого пса?

Сейчас старший сержант Колмог Риланд находился не рядом с Магистром, но он все еще дышал.

И собирался продолжать в том же духе.

Будь терпеливым, думал он.

Поэтому сказал:

- Я расскажу тебе.

Так он и поступил.

«Я мечтал об этом множество раз, но даже в худших кошмарах не видел ничего подобного»

...

Слајдо, Магистр Войны крестового похода на Миры Саббаты

В летописях говорится, что в тот месяц Балхаут пылал. Но эти слова были написаны не ради

поэтического сравнения или придания большей драматичности событиям на страницах имперских

архивов. Денно и ночью, земля и небо — весь Балхаут пылал.

Бал Прим и Улей Борүна, Заебес-сити и Западные Равнины, Острова Тарка и Долина

Возвышения. Каждое важное место на Балхауте подвергалось ужасающей по силе орбитальной

бомбардировке, и небеса над ними горели
от гнева Магистра Войны. В этом
пламени погиб

Балополис, столичный город.

Сквозь наполненные серой небеса огромные
транспортники разрывали пепельный
покров

облаков. Покрытые листами брони и
наполненные легионами войск корабли
стремились первыми

коснуться поверхности и высажить солдат
для Последнего Сражения.

В последующие годы, когда Балополис
стал городом-святыней -- монументом
триллионат

погибших за все время крестового похода --
мемориалы, воздвигнутые в честь этого
сражения,

будут воистину величественными. Десять
дней непрерывных побед; десять дней
безостановочного

продвижения имперцев вглубь
территории Архиврага. Обломки
уничтоженного флота Архонта

низвергались на поверхность, и каждый падающий кусок корабельного корпуса вызывал

радостные крики у имперцев, которые наблюдали это зрелище.

Не имея возможности сбежать с планеты, вражеские лидеры забаррикадировались в своих

твердынях, а между ними и десантирующимися войсками Слайдо встали легионы их верных последователей.

К вечеру девятого дня Магистр с фанатичностью истового крестоносца довел свою истекающую

кровью армию до центра Балополуса. Его войнство осадило сам Верховный дворец, а в пустошь,

которой стал город, вступали все новые полки. В каждой записи о Великой Победе эти события

будут описываться в тучительных - и многословных - подробностях, ибо смерть Слайдо

пребывала всего в паре часов.

Но лишь в нескольких документах
описывается лицо Магистра Войны утром
того дня, когда он
встретил свой рок.

- Выглядите уставшим, сэр.

Старик лишь почесал бороду почерневшими от золы пальцами. Ногти его были темными от

забившейся под них грязи, а некогда огненно-рыжая борода стала серой, словно камень, в котором

местами, подобно искрам угасающего огня, пробивался первоначальный цвет.

Губы старика скривились в подобии улыбки. Выглядело это так, словно его бороду рассекла настелившая рана.

- Я устал, дитя мое. Вот что случается, когда стареешь, - его взгляд переметнулся на горящий

небосклон, на останки некогда величественного Балополиса. По руинам катились орды железных

жуков -- танки «Леман Русс» и артиллерийские платформы «Василиск»

всевозможных типов. Под

непрекращающимися залпами осадных
бронетанковых рот стены Верховного
дворца исходили

трещинами и обваливались. В воздухе
витать запах непа и выхлопных газов.

- Уже недолго осталось, - сказал он и
закрыв глаза, неуверенный, слышалось ли
ему бие

собственного сердца или же выстрелы
далеких орудий. -- Вам стоило бы пока
отдохнуть, Магистр.

Слайдо фыркнул.

- Я пока не готов бросить охоту. А ты,
Котмог? Все никак не отстанешь от
старого боевого пса?

В ответ сержант ухмыльнулся.

Когда рухнули дворцовые стены, от криков имперцев содрогнулся весь город.

Магистр Войны судорожно вздохнул, наблюдая за происходящим с наблюдательного пункта на

западной окраине. Вокруг него с заряженными хеллганатами гордо стоял Аргентум, офицеры

обменивались с бойцами напутственными словами.

- Вы видели это? - спросил старик. Вопрос предназначался одновременно всем и никому в

частности, и с этими словами старик улыбнулся. - Узрите, как волна грызунів рвется сквозь

бреши.

Прищурившись, Колтос взглянул через визор. Испещренные шрамами бронетранспортеры,

обожженные танки, разбитые

- Что случилось, сэр?-- спросил один из его бойцов.

- Такая отвага, - старик едва не стаял, - такая жертвенность. Услышьте и запомните мои слова.

Никаким записям и пересказам вовек не описать эти дни. Балхаш станет мемориалом после

победы, ради которой мы проливали кровь.

Слайдо вновь взглянул на разрушенные улицы и лежавшие на них тела. Больше смотреть было не

на что. Небеса пылали. Город лежал в руинах. Кругом лишь мертвецы.

- Убо чем еще он может стать? Мы превратили этот мир в могилу.

Каждый из Аргентула, кто услышал эти слова, отметил также и надрыв в его голосе, слышимый,

невзирая даже на грохот отдаленной артиллерии и рев двигателей ожидавших неподалеку

полковых бронетранспортеров цвета серебра.

Каррон, вокс-офицер отделения, приблизился с трубкой в руке. Висевшая у него за спиной вокс-установка гудела под накрапывающим дождем.

- Магистр, - Каррон передал старику трубку. -- Полковник Прагарского Хельмуг. Слайдо взял трубку. Бойцы ухмыльнулись его коштарной привычке громко откашляться, прежде, чем подносить аппарат ко рту.

- Слайдо на связи, - сказал он, сплюнув на наполненную золой слюну на пол.

- Говорит Хельмуг, - голос полковника хрипел от частотных помех. -- Стены падают, словно

фигурки на резицидной доске. Мы готовы, Магистр. Час настал. Сегодня мы завоюем Балхаут.

Слайдо не ответил. Его затвердевшие пальцы сожались на рукояти меча, который все еще

лежал в ножнах у него на поясе, и он взглянул на руины города, ставшего

братской могилой его
воинам.

- Магистр?

- Слушаю, полковник.

- Мы возьмем дворец, сэр, но ценою многих
тысяч жизней.

Впервые за четыре часа Слайдо достал
саблю. Золото сверкнуло от слабого света,
которому

удалось пробиться сквозь задымленное
небо.

- Начнете по моему сигналу, - сказал
Магистр Войны и, не дожидаясь ответа,
бросил трубку.

Он резко взмахнул саблей, приказывая
выдвигаться. После краткой передышки
Аргентум вновь
шел в бой.

Коммог не был плохим водителем, но и не особо хорошим.

Веллици, прежний водитель отделения, вчера получил пулю в шею -- по-настоящему дьявольски

меткий снайпер попал в него через фронтальную смотровую щель «Химеры». Коммог вместе с

тремя бойцами закопали тело, пока остальная часть отделения очищала внутренний отсек

машины. Как у всех людей его размеров, в Веллици было много крови. К сожалению, в конце она

оказалась не там, где положено.

Позади кресла водителя располагалась лесенка, которая вела в оружейную башню. На ней стоял

старик, уставшим взором взиравший через открытый люк. Бойцы часто сетовали на то, что он

превращает себя в легкую мишень.

Старик всегда отвечал одинаково. Эта машина увешана флагами, украшена почетными

символами и блестит, словно поверхность самой Луны. Если враги хотят убить меня, они и

так знают, куда стрелять. С этим было сложно поспорить.

Котмог повел «Химеру» по вздымающейся гряде обломков. Нечто — металл по металлу —

тошнотворно проскрежетало под днищем машины.

- Даже не спрашивайте, - сказал Котмог остальным, - я не знаю.

Старик заглянул в темный провонявший потом отсек.

- Это были обломки, - сказал он. - «Летан Русс». Вражеский.

Котмог въехал на дворцовую территорию, гусеницы машины крошили под собою мусор. Куда ни

кинь взгляд, протянулось иссохшее и

почерневшее нечто, что когда-то было
огромным

ботаническим садом. Перед ними
возвышались поврежденные укрепления
дворца, в то время как

вокруг не было видно ничего, кроме моря
движущихся имперских

бронетранспортеров.

Люди в «Химере» напряглись, когда по
корпусу звякнула пуля.

- Мы уже в пределах досягаемости, -
сказал сзади Яэль.

- Спасибо, утник, - бросил кто-то.

Выстрел оказался лишь первым из
многих. Мгновением позже на них
посыпались другие, громкие,

будто град.

Башенный люк с лязгом закрылся, и
старик, кряхтя, спустился по лестнице.

- Первые внутри, дети мои, - ухмыльнулся
он, перезарядив лазеристолет. -- У
последние снаружи.

Пора выиграть эту войну.

Невзирая на стрельбу, Котмог растаял.

- Хорошо, что вы вернулись, сэр.

Глаза старика вспыхнули.

- Он уже близко, дети мои. Я его чую.

«Химеры» резко остановились, вздыбив
гусеницами садовую землю.

Упали раппы. Люди выбежали из
опаленных и покрытых царапинами машин
в поисках укрытий

среди статуй и альпинариев
ботанического сада. Проникнуть через
внешние стены было довольно

просто. Теперь же пришло время
настоящего испытания: битва за каждую
комнату, каждый

коридор до самого сердца дворца.

Значит, пора оставить
бронетранспортеры.

Коммод пригнулся за статуей ангела с
отстреленным лицом. В тридцати
метрах от него в воздух

взлетела его «Химера», наполовину
развернувшись перед тем, как ее левая
гусеница взорвалась

вместе с половиной корпуса. Вокруг них

засвистели обломки металла, со звоном
ударяясь о

статуи, а несколько даже разбив.

С окон и балконов над ними пролетали
ракеты, причиняя такой же урон
скопившимся в саду

машинам Имперской Гвардии. Огн из
флагов с символом увенчанного венцом
черена Магистра

Войны упал на голову одному из ангелов,
саваном накрыв его лицо. Подобное
сравнение

показалось Котмогу не особо
вдохновляющим. Рядом с ним, прижимая к
груди хеллган, Яэль

выдохнул что-то среднее между стешком
и сопением.

- Мне будет не хватать нашей машинки, -
ухмыльнулся он.

Котмог не обратил внимания на слабую
попытку пошутить.

- Семь точек на балконах. Огн
Император знает, сколько еще ублюдков
прячется у окон. Я

насчитал двадцать, пока не стало слишком горячо.

- Нужно было считать быстрее, серж.

- Стешно, - Котмог сжал наручи. -- Думаю, запрашивать поддержку «Стервятников» будет все

равно, что ссать против ветра, да?

- Скорее против бури, - Яэль приподнял голову, поставив винтовку меж каменных крыльев ангела.

- Никто не прилетит, чтобы вытащить нас из этого дерьма.

Котмог пригнулся еще ниже, когда от плеча ангела срикошетила пуля. Он стер с глаз каменную

крошку. Так дело не пойдет.

- Где Каррон? - спросил он.

Яэль выстрелил. Его хеллган загудел на полсекунды, заряжаясь, и выплюнул лужу кипящей

энергии. Оба солдата услышали вскрик, и из окна сверху выпал одетый в красную форму солдат.

Панический вопль оборвался влажным

шленком. То, что некогда было человеком,
сейчас лежало

размазанным по каменной плитке.

Яэль ослабилась.

- Он не вернется на ферму к мамочке.

Котмог все еще изучал местность.

- Я спрашиваю, где Каррон?

- Без понятия, серж. А, вот он. Прижат за
примархом.

«Примарх» представлял собой статую
облаченного в стихарь человека,
возвышавшуюся над

всеми остальными, и изображавшую
одного из благословенных сыновей
Императора. Без

сомнений, в лучшие времена она была
настоящим произведением искусства.
Недели зверств

Архиврага не прошли бесследно. Она
лишилась руки, лицо было разбито
толотати, и с каждым

мгновением на каменной плоти появлялось
все больше следов от пуль.

Ее в качестве укрытия использовали сразу несколько бойцов Аргентина, поэтому она подвергалась ураганному огню с верхних этажей.

Каррон пригнулся за пьедесталом статуи, паля из пистолета по стенам.

- Вижу, - отозвался Котмог. - Не лучшее укрытие.

- Полностью согласен, - кивнул Яэль.

Каррон приподнялся, чтобы еще раз выстрелить. Его тут же сняли сразу трое снайперов. Даже

первого выстрела вполне хватило бы, чтобы убить его -- пуля вышибла ему мозги прежде, чем

голова успела откинуться назад. Каррон безвольной грудой повалился на землю.

- Утер у ног Розала Дорна, - отметил Яэль. - Немногие удостоиваются такой чести.

Котмог вместе с Яэлем принялся вести огонь по окнам.

- Это Жиллитан.

Еще одно тело закуркалось в воздухе.

- С чего ты взял, что Жиллиман?

Их ответный огонь явно не остался незамеченным. Вокруг засвистели пули, еще больше угрожая их

ангельского защитника. Яэль и Котмог бросились на землю и воспользовались передышкой,

чтобы перезарядиться.

- Ты слепой? У него в руке книга.

Яэль перезарядил первым и выстрелил туда, откуда в них летели пули в последний раз.

- У? Думаю, Розал Дорн умел читать, серж.

- Это священная книга Астартес, - Трон, что за глубина. -- В ней все их законы.

- Ну, раз ты так говоришь, - Яэль ни на миг не прекращал стрелять. -- Никогда не любил уроки

мифологии.

Возле них упал еще один боец их отделения, тяжело дыша после перебежки в укрытие.

- Грюннер, - поприветствовали они его.

Бледный и с пустым взглядом, он выглядел
столь же

уставшим, как чувствовал себя сам
Коммог. Непослушными руками он
перезарядил оружие.

- Черт, чего вы скалитесь?

- Такили уж родились, - ответил Яэль,
продолжая стрелять по балконам.

- Устал, Грюннер? -- вопросом на вопрос
ответил Коммог.

- Долгая неделька выдалась, серж, -
Грюннер выдал из себя улыбку. Его такое
взрослое лицо

было испещрено морщинами от
недосыпания. -- Но скоро все закончится.
Даже старик так говорит.

Коммог кивнул. Старик устнее.

Почти два часа спустя прибыла
поддержка с воздуха, и атаками с
бреющего полета и ракетными

залпами «Стервятники» уничтожили
западную часть Укрепления Гольхира. Все
это время

Аргентум был прижат к земле, несся

потери от укренившихся солдат
Архиврага - продвигаться им
было некуда, а отступление равнялось
самоубийству. Такова была цена за то,
что Избранные

Слайдо были «первыми внутри,
последними снаружи».

Каждый человек в их форме был
ветераном штурмовых войск, лично
отобранном самим

Магистром Войны. Солдаты
рассчитывали лишь на себя, забрасывая
гранатами и поливая огнем

хеллганов окна и стены. То и дело из
орудийных гнезд выпадали тела, хотя их
место постоянно

занимали новые враги. Внутренний
гарнизон не ослаблял сопротивление.

У них над головами с ревом пролетели
«Стервятники» и сбросили на укрепления
свой

смертоносный груз. Ураганный огонь по
Аргентуру ослаб, когда враги начали
стрелять вверх по

новой угрозе. Им удалось сбить семь машин, но даже зорь и дымясь, они врезались в стены и

крыши, которые атаковали до этого. Они служили даже в смерти.

Как только упала стена, погребя под собою многих солдат и обломки техники, Яэль был одним из

первых, кто ринулся в образовавшуюся брешь.

Коммод остался, чтобы закрыть безжизненные глаза Грюннера. Лишь после этого он поднялся из

укрытия и стал пробираться через опустошенный ботанический сад, переступая тела погибших

братьев и сестер, а также обезображенные останки тех, кого они убивали.

Один из присыпанных пылью трунов Аргентуа схватил его за ботинок окровавленной рукой.

Коммод упал на колени и перекатил тело на спину. Человек был жив, но он не принадлежал к

Аргентулу.

- Котмог... - сказал старик, - не бросай
меня здесь.

Голос, который выкрикивал приказы на
сотнях полях сражений, срывался с
растрескавшихся губ

Слайдо напряженным шепотом. После
того, как обрушились стены, было сложно
что-либо

различить из-за пыли. Котмог вытер
лицо Магистру теплой водой из
фляги. Сквозь грязную

форму крови почти не было видно, но
шипящий хрип старика говорил ему о
многом.

Сержант приподнял серебряный нагрудник
Слайдо. В живот старику попал острый
каменный

осколок. Скорее всего, он срикошетил от
земли, когда рухнули стены.

Котмог набрал воздух в легкие, чтобы
позвать медика, но его рука оказалась в
тисках мощной

хватки.

- Не стей, - прошептал старик. -- Подумай о боевом духе, глупец. Мы внутри. Все почти

закончилось. Закрой рот и перевяжи рану или... или я найду нового старшего сержанта.

- Как только я выну обломок, кровь захлещет рекой, - сказал он, принимаясь за работу. -- Ваше

сердце подвергнется сильной нагрузке. Сначала травма, потом потеря крови...

Магистр Слайдо сплюнул пыль на землю. Его лицо исказилось от нетерпения.

- Ты мне нравишься, дитя мое, но ты всегда был слишком болтлив. Перевяжи ее и подними меня

на ноги.

- Сэр, вам нужно...

Сержант отшатнулся от крепкого, подогретого злостью, удара по шлему.

- Мне нужно закончить охоту, Колмог. Как и тебе. А теперь подними меня на ноги!

Сначала Магистр измученно ковылял, потом шел, полусогнувшись, затем едва заметно

прихрамывал, а под конец его усталость выдавали лишь стиснутые зубы и блеск в глазах. Злость и

неуступчивость придавали ему силы там, где в ином случае боль должна была уже повергнуть его

на колени. Для мужчин и женщин, которые служили Слайдо, именно эти часы являлись лучшим

примером его жизни чем все мемуары, возведенные после того дня.

В руке он сжимал Либератус, серебряную силовую саблю, которую подарили ему Верховные

лорды Терры перед началом крестового похода. Ей он разил врагов, до которых мог дотянуться, и

указывал стрелкам Аргентума на тех, до

кого не мог.

Некогда в равной степени декагентские и
вызывающие благоговейный трепет
коридоры дворца за

время оккупации Архиврага стали
замусоренными и захлапленными.

Имперцы пробивались через

разоренные залы, в которых воняло мочой,
и огромные коридоры, где некогда
находились

коллекции религиозных творений, но пол
которых сейчас был засыпан обломками
стоявших там

некогда статуй и загажен солдатней.

С каждым шагом голос Слайдо крепчал. С
изогнутого клинка капала кровь, а глаза
его пылали,

словно он смотрел на что-то, чего не
видели его бойцы.

- Чисто, - сказал Котмог семи бойцам
Аргентума под его командованием. В
противоположном

конце коридора, где некогда размещалась
выставка пейзажей с двенадцати разных

миров, рұхнұл

затертво последний вражеский солдат.

- Отличный выстрел, серж, - заметил Яэль. Котмог попал үблюдкү в горло с семидесяти метров. --

Попадай ты так постоянно, мы бы үже давно побегули.

Сержант лишь кивнұл, его обычное хорошее расположение дұха бесследно испарилось.

- Стүпени впереди ведұт на үкрепления Западного Палисада, - сказал Котмог Магистрү Войны. --

Ули ты может двинұться в обход к Центральному Клүатрү, пойдя влево через служебные

переходы.

- Палисад, - приказал Слайдо. -- Он бүдет искать нас, как и ты его. Никакого отстүпления. Никакого

побега за пределы мира. Он знает, что это конец.

- Вы серь...

- Палисад, - Магистр Войны воздел саблю.

словно командую кавалерийскую атаку
древности. -- Это

произойдет под открытым небом. Она
сама мне сказала. Пора покончить с этим.

Х

Шестой час десятого дня, и
раскинувшийся на километр Западный
Палисад -- гигантский бастион

из оружейных гнезд, мертвых тел и
разрушенных дорог вдоль двorcовых стен.
Орбитальная

бомбардировка дала результат, как и
залпы гальнобойной артиллерии.

Дождь лил стеной, он был из тех ливней,
которые с легкостью проникают сквозь
одежду и

заставляют кожу казаться грязной.
Слайдо шел по укреплениям с Либератусом
в руке, элегантная

золотая гравировка вдоль серебряного
лезвия терцала багрянцем, отражая огни
горевшего внизу

города. Улавливая огненные отблески,

выющиеся слова сверкали на стали, подобно
змеям.

- Я был так уверен, - шептал старик. --
Так уверен.

Вокруг него рассредоточились бойцы
Аргентина, рюкзаки-батареи жужжали
над проливным

дождем, хеллганы тихо гудели в руках.
Для последней атаки соединились
несколько отделений.

Коммод все это время оставался рядом с
Магистром Войны.

- Здесь все мертвы, сэр, - он старался
говорить без эмоций, скрывая тем самым
разочарование и
опасение.

- Я был так уверен, - повторил старик.
Слайдо взглянул на разбомбленный город, а
затем на

укрепления, где стояли разрушенные
батареи и валялись тела вражеских
солдат. -- Знаешь, она

говорила мне, что так все и кончится.
Под дождем.

Коммог бросил встревоженный взгляд на остальных. Магистр прислонился к целевишему участку стены и сугорожно вздохнул.

- Теперь я устал, - сказал он. -- И мне больно так, что ты представить себе не можешь.

Сержант видел рану, которая высасывала жизнь из старика, поэтому представить он как раз мог.

Ранение в живот убивает медленно, но верно. Если вскоре Магистр Войны не окажется в

госпитале, то из Балхаута ему не выбраться.

- Какие будут указы, мой Магистр? -- спросил Трей, сержант еще одного отделения Аргентума.

Коммог взмахом руки приказал тому отвязаться.

Слайдо все равно не слушал. Бой измотал его. В непослушной руке он держал маленькую

бронзовую статуэтку молодой женщины.

Фигурка была не больше пальца, но старик сжимал ее с

такой силой, что его костяшки побелели.

- Не так, - прошипел он, смотря на горящий Баллополис. Огонь бушевал в уцелевших частях города

и был достаточно сильным, чтобы не угаснуть под ливнем.

Он закрыл глаза и прислушался к дождю. С Либерамуса с шипением поднимался пар, когда на его

ожившее лезвие попадали капельки воды.

- Стрельба, - отозвался Котмог сзади.

- Контакт, контакт, - закричали груг-гругу бойцы Аргентума. -- Там, контакт, прямо впереди!

Слайдо вовремя обернулся, чтобы увидеть, как его верные телохранители взвели оружие и по

всему бастиону засверкали энергетические лучи. Из арочного входа в башню вырвалась яростная

толпа людей и, паля на ходу из лазганов и простых ружей, бросилась к ним. От

первого залпа

еретиков погибли трое бойцов Аргентута, они повалились на землю, подставив лица маслянистому дождю. Остальные рассыпались в укрытия, разрывая ряды толпы шквальным огнем.

Слайдо будто не замечал ничего этого. Он увидел лишь то, что орду вражеских воинов -- разогретых

скорее как священники и верующие, а не солдаты -- вело существо, которое, возможно, некогда было человеком.

На его лице, освежеванном до мышц и кости, разверзлась беззубая кричащая пасть. Оно увидело старика и завопило сразу сотней голосов.

Он не знал, как оно смогло заметить старика. Глазницы существа были пустыми -- ни единой пары

глаз на всех трех лицах, каждое из которых с криком извергало бессловесную желчь сквозь

похожие на пещеры челюсти. В воздухе мелькнули многосуставчатые пальцы и ноги твари,

которые казались слишком тонкими, чтобы удерживать вес тела, сорвались на обратительный бег.

Все три лица визжали, пока существо несло сквозь дождь.

Слайдо удивил всех бойцов, разразившись хриплым, искренним стехом. Он выкрикнул клятву

Императору и Его возлюбленной Святой Саббате и ринулся на демона, который будто дышал воплем.

- Сэр! -- закричал Колмог. -- Сэр!

Старик даже не оглянулся.

Спустя десятилетие завоеваний и миллиарды потерянных жизней, на шестой час десятого дня

Магистр Войны и Архонт встретились на Балхауте.

Все разом прекратили стрелять.

Старик и облаченное в лантию существо встретились посреди сражающихся сторон, и их клинки со звоном скрестились. Времени для сомнений и осторожного изучения стиля боя противника не осталось -- человек и тварь Хаоса кидались друг на друга с единой мыслью покончить со своей немезидой.

Несколько бойцов Аргентума, среди которых был и Колмог, следили за поединком сквозь прицел оружия. Каждому из них не терпелось совершить один меткий выстрел, пока толпа врагов лаяла и завывала, подобно испуганным псам -- кто пел, некоторые рыдали, другие металась в панике.

Оружие никто из них не поднимал, будто

даже прицелиться в сторону своего хозяина
было

великим грехом.

- Я могу попасть в этого сукина сына, - не
отрываясь от прицела, пробормотал Яэль.

- Клянусь, могу.

Коммод также в этом не сомневался. Но
он тихо приказал отставить.

- Не стоит рисковать.

- Это он? -- спросил один из бойцов. -- Это
существо и есть Архонт?

Имперцы следили за тем, как лишенная
кожи тварь бросается на старика с мечом,
делая выпады

столь быстрые, что невозможно было
различить никаких деталей. Его рваные
лохмотья

развевались от ветра и дождя, открывая
тощее изможденное тело. На
освеженных конечностях

и трех лицах от напряжения вздулись
паутинки вен. Но хуже всего было то, как
существо

перемещалось -- в подрагивающих

движениях было что-то от насекомого,
многосуставчатые

конечности походили на лапы богомола.

Старик никогда не казался более живым.

В силу своего возраста он парировал

удары, а не уходил

от них, но его покрасневшему лицу

ручьями тек пот, а изо рта вырывался пар.

И все же он

лучился энергией, которой никто из

Аргентина не видел в нем с тех пор, как

началась битва за

Балхаут. Трон, да он даже смеялся.

Существо, называвшее себя Нагзибаром,

вцепилось рукой с семью пальцами в горло

Слайдо на

достаточное время, чтобы сбить того с

ритма. Зазубренный клинок прошел под

Либератусом и

рассек Слайдо бедро, начисто сорвав при

этом серебряную пластину.

Старик отшатнулся и ударил в ответ,

стеснив вес с раненной ноги. Когда он

продолжил вынаг, из

бедра заструилась кровь.

- Бедренная артерия, - тихо сказал Яэль. --
Черт, это его быстро доконает.

- По местам -- стоять! -- скотанговал
Слайдо. Ярость Архонта была такова, что
он даже не мог

бросить на них титанетный взгляд. -- Я --
воля Императора! Я -- меч Его
Благословенной Святой!

Человек и монстр сражались среди своих
людей, их лица освещались титанетными
сплохами

искр. Оба клинка от перегрева пылали
тусклым оранжевым светом, их
потрескивающие силовые

поля были перегружены едва ли не до
критического уровня.

- Прижнуть штыки, - приказал Комтог. --
К черту все это, я не буду смотреть, как
он умирает.

Прежде чем бойцы Аргентума сумели подойти ближе, Нагзибар нанес удар, который должен был

оборвать жизнь Магистра Войны. Взревев всеми тремя глотками, существо погрузило зазубренный

клинок в бок Слайдо. По губам старика потекла кровь, капая на форму.

- Убить его! - закричал Котмог и сорвался на бег, выставив перед собою хеллган с серебряным

штыком, подобно коню. Нагзибар провел рукой по лицу Слайдо, лишённые ногтей пальцы

пробежались по его губам и щетине. Оно гладило утирающего старика, и из его ноздрей

раздавалось спертое, свистящее урчание.

Оно обернулось и бессмысленно взглянуло на атакующий Аргентум, не выпуская старика из

нежных, но властных объятий.

Верующие с воплем ринулись мимо
Архонта, тыча кольями из обломков
мебели и паля из

трофейных ружей. Из войск у Нагзибара
остались лишь отбросы.

Яэль выругался, когда заостренный конец
кола рассек ему щеку и сорвал шлем.
Коммог сплюнул

кровь вместе с зубом и продолжил
размахивать винтовкой, сбивая верующих
с ног, чтобы бойцы

могли прикончить их на земле.

Он бросил один-единственный взгляд на
Магистра Войны.

С его уст сорвался стех, и сержант заорал
что-то похожее на радостный крик.

XJJJ

Слайдо вырвался из объятий и извлек саблю из живота монстра. Дрожа, пальцы существа

соскользнули с мокрого от дождя лица Магистра Войны. Из раны в брюхе Нагзибара в лужу

кровавого сиропа на каменном полу посыпались почерневшие от опухолей внутренние органы. За

ними последовали толчки кишок. Нагзибар облизал лишенные губ рты и с содроганием упал на

колени.

Лица Архонта обдуло пахнущее кровью дыхание старика, когда он приставил Либератус к тощей

шее существа. Освященная сталь коснулась бледной трясущейся плоти.

Старику было тяжело говорить, но он сумел выдать из себя два слова.

- За. Императора.

Священный клинок опустился лишь
единожды. Плоть отделилась с
отвратительной легкостью,
извергнув поток густо пахнущей черной
крови.

Нагзибар, великий Архонт, рухнул на
землю. Его голова укатилась под ноги
верующим.

Тело еще не успело упасть, как старик
выронил саблю из враз обессилевшей руки и
заорал в

рыдающие небеса. На победный крик
последовал ответ, но принадлежал он не
его воинам.

Архонт пал, и верующие в обносках лишились остатков разума.

Многие с рыданиями и стонами упали на пол, принявшись рвать на себе волосы и избивать

шелушащуюся плоть. Эти стали легкой добычей для Аргентума, они утирали на коленях, дабы

воссоединиться со своим повелителем в том аду, что был уготован для самых черных еретиков.

Другие же, вопя на неизвестных языках, бросились к пошатывающемуся Магистру Войны. Они

набросились на него с ножами и кулаками и повалили на землю. Их окровавленные кинжалы

вздыгались и падали несколько драгоценных мгновений, которые потребовались Аргентуму для

того, чтобы вырезать всех людей в чужой

форме.

Коммог убил последнюю культистку. Ударом ноги он отбросил ее к стене укрепления, прикладом сломал челюсть и трижды выстрелил в голову.

От ее лица ничего не осталось, поэтому он плюнул на медальон у нее на шее: грубо выкованная

медь с эмблемой трех лиц Архонта.

- Чисто, - крикнул он.

Коммог обернулся к Магистру Войны, когда тот позвал его по имени.

Слайдо лежал там, где и упал, форма его пропиталась кровью, которая большей частью была его собственной.

- Все закончилось, - сказал он. Улыбка на его лице была искренней, а голос оставался сильным.

- Закончилось, мой Магистр, - согласился Коммог. Он все еще слышал отголоски стрельбы во

дворце, которая временами доносилась

ближе, и отвернулся, чтобы утереть
слезы. -- Нужно

вытащить вас отсюда.

- Да, да, - буркнул тот. -- Валяй. Прекрати
хныкать, словно школяр, и помоги старику
встать.

- Сделай носилки, - приказал сержант
Яэлю. -- Неважно из чего.

- Не вздумай подчиниться, Яэль, -
Магистр Войны с помощью ближайших
солдат поднялся на

погибающих ногах. -- Может, я и
умираю, но я не ленивый. Я выйду отсюда
на своих двоих, как

желала того сама Святая.

Яэль и Тири поддерживали старика с
обеих сторон все время пути. Хотя, скорее,
он шел вместе с

ними, а не давал тащить себя.

- Возьми мою саблю, Колмог. Очень
полезная штука.

- Да, мой Магистр.

Здание сотрясалося с каждым выстрелом далекой артиллерии.

Женщина в маске не стыдилась своих слез — или, по крайней мере, не чувствовала стыда за то,

что молча плакала перед таким, как он. Она стояла перед ним все время рассказа, ни разу не

прервав его, не предложив воды, когда его голос срывался, и не потребовав более подробного

объяснения. Все это время она стояла с ножом в руке.

— Вот что произошло, — сказал Колмог. — Вот как умер твой король.

Карнавальная маска с крючковатым носом ослабилась в преувеличенной издевке.

— Он не был моим королем. Я — Кровавый Накт. Я служу Гаурү. Но Надзибар был лучшим из нас, и

я буду скорбеть о нем остаток своих

ночей.

- Когда я видел его последний раз, он выглядел далеко не лучшим образом.

Казалось, это ее нисколько не задело.

- Мне грустно потому, что его видели во время исполненного паники и лишённого всякой надежды

конца. Но такова воля Сил, и ничему иному не судилось произойти.

Котмог сглотнул, пытаясь хоть немного сточить пересохшее горло.

- Остальное тебе известно. Бои во дворце. Отступление Аргентума. Спасение Магистра Войны.

- Да, - ведьма склонилась ниже, приняв то же полусогнутое положение, в котором она в последний

раз резала его кинжалом. -- Ты считаешь себя храбрецом, да? Ты задержал нас, так чтобы

дряхлый утирающий старик сумел спастись вместе с твоими братьями и сестрами.

Котмог не был тщеславным, но если ему

не стоит гордиться подобным поступком,
то он даже не

знал, каким еще стоило.

- У меня вопрос, - сказала она, и Котмог
понял, что она улыбается. -- Что случилось
с твоим

другом? С Яэлем?

- Он находился вместе со мной в
арьергарде. Его подстрелили, хотя не
знаю, как тяжело. Но перед

этим он успел положить четырех ваших.

Она нагнулась еще ближе, прижав лезвие к
его горлу. «Вот и оно», подумал он,
«начинается».

Но ведьма не убила его. Она моргнула, и ее
взгляд упал на кинжал.

- Постой, - прошептала женщина в маске. --
У тебя ведь была сабля Магистра. В
стысле... твоя

сабля...

Котмог ухмыльнулся ей в лицо.

- Трон, как туго ты соображаешь, сука.

Она взглянула на отброшенное раньше

изукрашенное оружие. Оружие, которое, как она считала, принадлежит Колмогу.

Ему хватило этого секундного замешательства.

Колмог резко поднял связанные вместе ноги и с силой, которую он копил полчаса, ударил ее в

живот так, что она врезалась в стол позади. Он встал на ноги и, все еще привязанный к

деревянному стулу, бросился на нее в безумном прыжке -- если бы за ним сейчас кто-то наблюдал, происходящее ему явно показалось бы забавным.

Она как раз поднималась, когда он угодил ей ботинками прямо в лицо, разбив щеку, нос и

ведьмовскую маску. Он упал на пол и сломал под собою стул, острые обломки которого впились

ему в спину и плечи. Его руки были все еще связаны за спиной, но это уже было неважно. Он

справится и так.

Коммог прыгнул на стонущую ведьму и прижал коленом горло. Ее глаза-щелки расширились, а

лицо стало пунцовым, пока она колотила его по ногам и груди и вбивалась ногтями в

кровоточащие раны. Коммог шипел от боли, но ни на миг не прекращал душить ее.

- Стоило позвать на помощь, пока была такая возможность, - сказал он.

Она била его ногами по спине и все слабее толкала кулаками по телу. Ее лицо посинело.

Коммог крикнул и надавил сильнее. Из ее гортани вырывались глухие, обрывочные щелчки.

Наконец, она обмякла.

Сержант не отпускал ее еще тридцать ударов сердца, чтобы она уже наверняка никогда не встала.

Нару минут провозившись с танковыми проводками, Коммог поднял Либератус с

пола и достал

изящную саблю из гладких кожаных ножен.

Он нажал руну активации, и по изогнутому лезвию пробежала молния.

- Было приятно с тобой поговорить, - сказал он женскому труну, взглянул на единственную дверь, а

затем тяжело вылез через разбитое окно.

Его побег едва ли можно было назвать красивым. Она мастерски его измучивала, раны болели

при каждой попытке бежать со сколь-либо приемлемой скоростью.

Проглатывая боль с каждым болезненным вдохом, Котмог, пошатываясь, брел вперед, через

стиснутые зубы текла слюна. В местах, где форма не была порвана, она покраснела от крови. На

ногах были десятки порезов. Внутренняя часть ботинок была теплой и хлюпала на каждом шагу, и

то явно был не пот.

Довольно скоро он свалится с ног от потери крови -- поэтому, в конечном итоге, ведьма все же

убьет его своим ножом.

Котмогу не раз приходилось ползти по полу на четвереньках, но он старался

двигаться дальше, невзирая на частые
падения. Город был полностью разрушен --
целый слой обломков рухнувших
зданий и разбитых дорог. На юге
вырисовывался дворец, который имперцы
отбили всего пару
часов назад. Какая-то его часть до сих пор
горела за обвалившимися стенами.
Ведьма и ее дружки
действительно не утащили его далеко.
Он шел уже около пяти минут, когда
вокруг него затрещали лазерные
выстрелы. Сержант
свалился за ближайшую кучу мусора,
слотанными пальцами сжимая саблю.
Магистра, и взглянул
на своих преследователей.
По пустоши тчались два человека,
стреляя от бедра. Они носили такие же
гротески, что и ведьма
-- те же карнавальные маски с
крючковатыми носами ухмылялись в
металлической усладе -- и
схожую алую форму.

Кровавый Накт.

Он надеялся, что кроме этих ублюдков, здесь больше никого не было. Они состояли в каком-то

недавно созданном культи? Вражеский полк, с которым ему раньше не приходилось сталкиваться?

Кем бы они ни были, он явно не переживет еще один подобный вопрос с ножами.

Коммод упал на покрытые пылью камни и пополз. Если он не может бежать, то самое время прятаться.

XVJJ

Первый из облаченных в красное солдат вошел в руины того, что еще три дня назад было музеем.

Он шел, приставив приклад винтовки к щеке, целясь по углам и кускам мусора всякий раз, когда

слышал звук. Четкие движения, напряженные чувства, голова высоко поднята — он был готов к бою.

Но солдат совершенно не замечал тонкой струйки крови на полу.

Когда он переступил очередной кусок упавшей кладки, сзади нее вылетела сабля и рассекла его

тело в поясе. Без разбору стреляя во все стороны, солдат рухнул на пол и умер мгновенно.

Позже, когда Котмог одним ударом отсек ему голову.

Обагрив энергетическое лезвие, кровь с

шипением чернела и запекалась.

Один готов. Остался еще один.

Коммог встал и тихо выругался, когда левую ногу свело судорогой. Теперь он ковылял еще

медленнее, и даже то, что он забрал себе винтовку солдата из Кровавого Пакта, не вызывало

улыбку на его лице.

В игре кошки-мышки, когда одному из участников приходится ползти по пыли, он начинает

понимать, кому здесь отведена роль грызуна. Коммог готащился до обломка колонны и тяжело к

нему привалился. Его трофеем стала краденная и наполовину разряженная лазерная винтовка,

которая, хотя и пахла смертью, была одним из лучших и мощнейших видов оружия в Империи

Человека.

Не в его пользу говорило то, что другой солдат почти наверняка знал, где он

находится — даже

если бы его погибший товарищ не
закричал, он все равно успел сделать пару
выстрелов — а также

то, что Котлог медленно, но верно
истекал кровью.

Неплохие шансы, пошутил бы Яэль. Но,
скорее всего, тот уже погиб.

Сержант моргнул, чтобы прочистить
глаза. Помогло лишь после третьего раза.

Поднимайся, подумал он. Для начала
просто встань.

Котлог нацепил пояс с оружием старика
на пояс, взял винтовку и, придерживаясь за
колонну,

поднялся на ноги. А теперь выбирайся
отсюда ко всем чертям.

Он прошел еще около двух минут, когда
преследователь догнал его.

К тому времени Котлог уже едва дышал,
так у него пересохло во рту и горле, и
даже частое

моргание не помогало, чтобы у него не
плыло все перед глазами.

На землю что-то упало. Он все еще чувствовал в горящих от боли руках веслазгана, значит,

скорее всего, это была сабля. А может часть доспехов. Это уже не важно.

- Ешек гай трагир, -- рывкнул солдат позади него. -- Ешек гай трагир кал-касах!

Комлог обернулся и увидел красное пятно на фоне серого тумана.

- Я не говорю...

Стоп, что это за язык?

- Ешек гай трагир! -- вновь проорал Кровавый Накт.

- Я не говорю... на Эле, - сказал Комлог и застыл.

Он поднял оружие, но его руки двигались словно под водой. Он услышал треск винтовки солдата, и красное пятно окончательно размылось.

Мгновением позже он почувствовал, что падают. Боль нисколько не изменилась, агония, которую

он чувствовал до того, никак не усилилась. Они и так разрезали его на

күски. Пару выстрелов

ничего не изменяет.

Раздался ружейный огонь. Заблеяли
голоса. Котмог протер глаза, но все равно
ничего не мог

различить. Хотя смотреть было особо и
не на что. Они разрушили этот
прекрасный город. Вот что

значит жить рядом с Магистром Войны.
Жить в Гвардии. Разрушить целый мир,
чтобы сломать

шею единственной загюке.

Священная задница Святой, как же он
устал. Ему вдруг странно стало интересно,
куда же в него

попали. Все тело у него болело одинаково
сильно.

Вот что значит умирать. Вот с чем до
самого конца боролся старик.

Крепкий старый ублюдок.

Он поднялся на четвереньки, когда к нему
подбежали солдаты Кровавого Накта. Они
схватили его

за разорванную одежду, подняли на ноги.

спросили, сможет ли он еще продержаться
совсем чуть-

чуть, и назвали при этом по имени.

- Я не говорю на Эле, - пробормотал он и
рухнул в руки Яэлю.

XVJJJ

- Старший сержант Колмог Руланг, - позвал его голос.

- Можете войти, - сказал одетый в безупречно выглаженную форму телохранитель. Колмог так и

поступил, хотя из-за хромоты это далось ему довольно тяжело. Когда он впервые проснулся этим

утром, хирурги грозились ампутировать ему ногу.

- Отрежете ногу, - сказал Колмог, все еще витая в облаках и бессмысленно улыбаясь из-за

болеутоляющих лекарств, - и я вам яйца отстрелю.

Он прошел в открытую дверь, надеясь, что нога вскоре начнет заживать.

В шатре Магистра Войны вокруг утопающего в бумагах центрального стола стояло два десятка

офицеров из разных полков. Колмог ни

одному из них не посмотрел в глаза,
вместо этого

установившись на один из свитков, который
упал на пол.

Список боевых потерь 8-го Гирканского.

Он вновь посмотрел на стол. Трон, здесь
был список всех потерь за последние две
недели. Чтобы

изготовить столько бутаги, наверное,
вырубили целый лес.

- Котмог Риланг? -- спросил тот же
гнусавый голос, который приказал ему
войти. -- Полагаю, у

тебя есть кое-что для меня.

- Да, мой Магистр.

Плавным движением он рукоятью вперед
протянул недавно отчищенную прекрасную
саблю. Даже

от легкого наклона заживающие мышцы у
него в спине взорвались болью. Он
загрожал, все еще

держа перед собою оружие, и почувствовал,
как подкашивается нога.

Рука в белой перчатке забрала у него

саблю Слайдо. Лишь собрав всю волю в кулак, он не

потянулся и не забрал ее обратно.

- Да, да, - произнес новый владелец меча. -- Прекрасное оружие. Отлично послужило старику.

Прими мою благодарность, сержант. Ты поступил храбро.

Котмог выпрямился и отдал честь. Он все еще избегал встречаться взглядом с Магистром Войны,

изучая вместо этого его серебристо-белый нагрудник, который скрывал под собою полноватое тело.

- Спасибо, мой Магистр.

- Я не забуду проявленную тобой отвагу на поле боя. А пока свободен, сержант.

Он вновь отдал честь и обернулся, чтобы поковылять к выходу.

- Риланд? -- казалось, будто Магистр произнес его имя с гнусавым стешком. -- Я еще не видел

твоего доклада. Эти предатели среди

руин, сержант, как они себя называли?

- Кровавый Накт, мой Магистр.

- Ах, да, верно. Спасибо.

Макаром, наследник Слайдо, Магистр

Войны крестового похода на Миры

Саббаты, повернулся к

своему штабу.

- Кровавый Накт, - протянул он. - Что-то
это название мне совсем не нравится.

...